

И. Мантель-Нечко

История Эфиопии

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И. Мантель-Нечко**
История Эфиопии / И. Мантель-Нечко – М.: Книга по Требованию, 2023. – 276 с.

ISBN 978-5-458-29677-9

Говоря о своеобразии Эфиопии на Африканском континенте, историки часто повторяют эпитеты «единственная» и «последняя». К началу XX века Эфиопия была единственной и последней христианской страной в Африке, почти единственной (наряду с Либерией, находившейся фактически под протекторатом США, и Египтом, оккупированным Англией) и последней не колонизированной страной Африки; последней из африканских империй; единственной африканской страной (кроме арабских), сохранившей своеобразное национальноеписьмо, в том числе системы записи музыки, а также цифры; единственной в Африке странойгосподства крупного феодального землевладения и т. д. В чем причина такого яркого исторического своеобразия? Ученые в разных странах мира, с одной стороны, и национальная эфиопская интеллигенция — с другой, ищут ответа на этот вопрос, анализируя отдельные факты, периоды и всю систему эфиопской истории.

ISBN 978-5-458-29677-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

связана со Средиземноморьем, а вторая — с миром ислама. Обе они были связаны с арабским миром, и в христианской Эфиопии образованные люди так же знали арабский язык, как и в мусульманских султанатах. Достаточно сказать, что большинство эфиопских книг этой эпохи являются переводами с арабского языка. Но через Египет, Иерусалим, а также через армян Эфиопия была связана также с христианским Востоком и Европой.

Интересная особенность культуры средневековой христианской Эфиопии — отсутствие городов. Не города, а феодальные поместья и монастыри были культурными и политическими центрами.

Община, армия и церковь составляли три главных элемента социальной системы, на которой базировалась эфиопская культура. К сожалению, авторы предлагаемой нами книги уделяют слишком мало внимания общественным отношениям, поэтому надо сказать несколько слов о каждом из элементов этой «триады».

В Эфиопии общине носили соседско-родовой¹ и в то же время кастовый и отчасти храмовый характер, так как максимальная община — волость обычно составляла церковный приход. Население такой общине делилось на три или четыре сословия: духовенство, крестьянство, низшее сословие (касты ремесленников, охотников и певцов — азмари), а также иногда военное сословие.

Армия делилась на две части: дружины феодалов (гвардия) и полки военных поселенцев (цоуа, чоуа, или шоа). Первые назывались по именам их вождей, вторые носили специальные названия («Кинжал на врага», «Лук пчелы», «Крест», «Молния», «Молния в Адале», «Крутая {12} гора в Адале», «Крутая гора Давида», «Гиены» и т. д.). Дружины жили при дворах своих начальников, военные поселенцы — отдельными деревнями преимущественно в пограничных областях или недавно присоединенных провинциях. Они были освобождены от большинства повинностей. В мирное время цоуа сами обрабатывали свои наделы, частично сдавали землю в аренду крестьянам. Источники сообщают, что иногда полки цоуа получали две трети земель провинции, а местному населению оставалась одна треть, из которой затем еще выделялись участки для церквей и монастырей и т. п. Как и цоуа, духовенство в недавно присоединенных провинциях было пришлым.

Положение эфиопской церкви было противоречивым. С одной стороны, церковь являлась подлинным феодальным государством в государстве, подчиненным императору и в меньшей степени правителям отдельных княжеств. Высшие чины церковной иерархии — ычэгэ, ныбурэ ыд, акабе сэат и (по крайней мере формально) абуунэ — считались более важными вельможами, чем даже крупнейшие светские феодалы. Церковь владела значительной частью земель, получала огромные доходы, накапливала сокровища. Духовное сословие составляло местами до 20—30% населения округов. Но его подавляющее большинство принадлежало не к феодалам, а к трудящимся земледельцам: бедные монахи работали в монастырях на богатых монахах, бедные священники сами пахали землю, их дети — мальчики-диаконы пасли скот, а книжники — дэбтэра, составлявшие церковный хор, обычно не только занимались сельским хозяйством, но и несли повинности в пользу храмов. Да и церковная служба, в частности для дэбтэра, которые должны были петь, играть на систрах и барабанах-кэбэро и плясать в церкви, а до того проходить курс обучения письму (довольно сложному у эфиопов), церковной музыке и системе ее записи, языку геэз, была нелегким делом.

С другой стороны, церковь, несмотря на связи с местными феодалами, стремившимися к независимости, поддерживала в народе идею общеэфиопского единства под эгидой императорской власти. Император являлся не только верховным правителем государства, но и как бы {13} главой всех христиан, правомочным вмешиваться в чисто церковные дела, в том числе вопросы богословия.

В богословских спорах XIV—XVII вв., о которых рассказывают авторы книги, отразилось не только соперничество между князьями церкви и привилегированными монастырскими общинами Аксума, Хайка, Дэбрэ-Асбо, но они стали идеологическим выражением стремления отдельных провинций к отделению.

В этом отношении особенно показательны евстахианство и «иудаизм» фалаша, а также

¹ О характере землевладения в традиционных общинах Эфиопии см.: Африка; возникновение отсталости и пути развития. М., 1974. — Прим. ред.

другие ереси, о которых упоминается в книге.

Евстахианство, зародившись в начале XIV в., в середине XIV—XV в. стало как бы общенародным движением в Тигре. Социальный состав его был сложен. Большинство руководителей евстахиан принадлежало к тигрейской знати. Но среди их приверженцев было множество бедных дэбтэра и крестьян, интересы которых они защищали от местных феодальных правителей, военных поселенцев — цоуа, высшего духовенства.

Евстахий и его ученики проповедовали идеал бедной церкви и монашества, трудящегося в поте лица своего. Не удивительно, что все бедные и непривилегированные внимали Евстахию, а жадные монахи пытались его убить. Но и знать привлекла проповедь святого бессребреника. Феодальные правители Северной Эфиопии защитили его от гнева монахов, а сам император Амдэ-Цыйон заключил с Евстахием союз против общих противников — князей церкви. Помимо разного рода личных интересов, светских феодалов привлекал идеал бедной церкви, перспективы овладения земельными богатствами монастырей.

Что касается «иудаизма» фалаша, то он во многом ближе к эфиопскому христианству, чем к религиозной практике евреев. Фалаша отвергают Новый завет и большую часть христианской литературы, но талмуда не знают, а библию читают на языке геэз. Важную часть их литературы составляют переработанные гностические и христианские сочинения, также на языке геэз (но восходящие к греко-египетским оригиналам). Обряды фалаша почти тождественны с обрядностью эфиопских христиан. Были у них священники и монахи, низшие касты ремесленников и феодальная аристократия, но не было купцов {14} и ростовщиков. В XIV—XV вв. население целых областей, отрекаясь от христианства или сохраняя прежнюю веру, примыкало к фалаша и восставало против империи. Это было мощное движение западных агау, частично под знаменем «иудаизма», частично под лозунгом сохранения различных синкретических религий (у этнических групп кемант, воито до принятия ими ислама и др.).

Не случайно авторы книги уделяют много внимания деятельности Зэра-Яыкоба. Несомненно, Зэра-Яыкоб был исключительно одаренным и дальновидным правителем. Он имел широкую политическую программу централизации, религиозной унификации и отчасти даже «модернизации» страны, которая и через 500 лет сохраняла свою актуальность. Он хотел, чтобы Эфиопия стала мощным абсолютским государством. Уже тот факт, что его реформы были проведены в жизнь и какое-то время, казалось, имели успех, свидетельствовал о политических талантах императора и потенциальных возможностях эфиопско-христианской культуры (характерно, что Зэра-Яыкоб в своей деятельности апеллировал к древней аксумской традиции, национальной «старине», а также к «исконному христианскому» миропорядку). В связи с этим представляется вполне вероятным влияние на императора заморских идей и примеров. Недаром в тогдашней Эфиопии мы находим целый ряд выходцев из Египта, Сирии, Южной Европы и Закавказья. Однако в Эфиопии, лишенной городов и сколько-нибудь развитого внутреннего рынка, не было необходимых предпосылок для перехода от строя феодально-вассалитетного царства к абсолютскому бюрократическому государству. Недаром режим Зэра-Яыкоба держался на подкупе, доносах и терроре. В мирное время при нем проливалось больше крови и производились большие опустошения, чем во время войны. В результате массовых репрессий была уничтожена наиболее энергичная и смелая часть населения, расстроена система традиционных феодальных ополчений, подорвана экономическая база государства. Военные поселенцы бесчинствовали в областях, отданных им в «кормление», разоряя их не хуже, чем вражеские набеги. Это вынуждало крестьян уходить с обжитых мест на окраины империи, в мусульманские и другие иноверческие {15} области. Недаром на юго-востоке Эфиопии через несколько десятилетий после смерти Зэра-Яыкоба оказалось множество «маласаев» — эфиопов, перешедших в ислам. Это они вместе с мусульманскими беглецами из Доуаро, Фэтэгара, Бали основали Харэр (Харар) — новый центр ислама в Эфиопии.

XVI — XVIII вв. вошли в историю Северо-Восточной Африки как время заметного упадка торговли, земледелия, государственности и культуры. В частности, источники дают возможность проследить, как постепенно хирела Зейла, которую еще в начале XVI в. продолжали считать одним из крупнейших портов бассейна Индийского океана, торговавшим не только с Аденом, но и Камбаем в Индии. Появившись в 1498—1499 гг. в Индийском океане, португальцы нанесли серию сокрушительных ударов по морской торговле между африканскими и азиатскими портами. В 1517 г. они сожгли Зейлу. В то же время с севера в Красное море и

Аденский залив проникли турки. Разгорелась португальско-турецкая морская война, окончательно парализовавшая заморскую торговлю Адала, Зейлы, Дахлака, Суакина, а также южно-аравийских государств. Благосостояние всех городов и многих кочевых племен Адала зависело от караванной торговли с Эфиопией. Адал, Дахлак и Суакин были как бы городской и торговой периферией феодальной Эфиопской империи и вместе с ней образовали единую политическую и экономическую систему.

До XVI в. Эфиопия и Адал сосуществовали, нуждаясь друг в друге. Недаром султан Мухаммед-ибн-Бэдлай в 1469 г. добровольно согласился стать данником императора Бэйдэ-Марьяма. Но к 1516—1517 гг. Адал переживал подлинный экономический кризис, его разоренные горожане и караванщики-верблюдоводы требовали от своих правителей решительных действий, чтобы вернуть былое благосостояние и отомстить христианам за свои страдания и унижения. Вместе с тем грабежом эфиопских селений и военной добычей адалцы рассчитывали поправить свои дела. Гибель правителей и разорение городов и деревень Адала амхарскими войсками в 1516 г. лишь подлили масла в огонь. Положение страны было настолько отчаянным, что поражение не могло запугать адалцев. {16}

В пылу борьбы обе стороны обратились за помощью к португальцам и туркам. Но и эфиопские императоры Либинэ-Дынгыль и Гэлаудеус и имам Ахмед-ибн-Ибрахим одинаково не доверяли такого рода союзникам и постарались удалить присланные ими отряды при первой же возможности.

Братоубийственная война в Эфиопии 1516—1548 гг. дорого обошлась населявшим ее народам. Но она поставила перед ними задачи, разрешение которых потребовало ревизии всей традиционной политики. Правители Эфиопской империи теперь должны были перейти к политике религиозной и политической терпимости, ограничению эксплуатации местного населения в вассальных владениях, поискам средств для перевооружения армии огнестрельным оружием, производству пороха, пуль, ружей и т. п. Остро всталась проблема привлечения иноземных специалистов, взаимоотношений с ними, а также проблема надежных союзников за рубежами империи. А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко сводят этот круг проблем к связям с государствами Западной Европы. Но существовала и альтернатива, хорошо известная эфиопам. Речь идет о христианах Востока и мусульманах Османской, Иранской и Могольской империй, а также других передовых по сравнению с Эфиопией стран.

Правители Эфиопии не упускали возможностей использовать восточнохристианских, а порой и мусульманских пришельцев, даже если к их услугам уже имелись португальцы или испанцы. В Эфиопии XVI—XVIII вв. мы находим множество армян, греков, арабов, а также грузинских мастеров (при императоре Гэлаудеусе), бухарца — императорского переводчика при Фасиледэсе и др. Связь с внешним миром через восточных христиан имели огромное значение для торговли и дипломатии Эфиопской империи, для получения ею всех видов информации извне.

В частности, армяне, грузины и среднеазиаты были инициаторами и исполнителями большей части основных внешнеполитических проектов Эфиопской империи. Армянин Матеус (Матвей) возглавил первое эфиопское посольство в Индию и Португалию в XVI в., о котором говорится в предлагаемой книге. Бухарец в 1647—1649 гг. {17} курировал йеменское посольство в Эфиопию при Фасиледэсе, армянин и «могол» возглавили в тот период эфиопское посольство в Индию (в 1658—1659 гг.), в начале XVIII в. армяне курировали французское посольство дю Руля в Эфиопию на его пути, начиная от Каира через Судан; грузин М. Качкачишивили вел в Каире переговоры с представителем Эфиопии об установлении контактов с Россией при Екатерине II (в 1786 г.). Борясь за освобождение своей родины от османского владычества, армяне не только помогали России, Польше, Грузии, Египту и Эфиопии сплотиться против общего врага, но и оказывали различные другие услуги единоверной им африканской стране.

В книге много внимания уделяется борьбе народов Эфиопии против попыток католического духовенства подчинить себе Эфиопию в XVI—XVII вв. К этому необходимо, на наш взгляд, добавить, что по существу это было и антипортугальское освободительное движение, принявшее форму религиозной войны, которую возглавили эфиопская церковь и патриотически настроенные феодалы. Причиной восстаний, потрясших Эфиопию в 30-е годы XVII в., было возмущение народных масс как религиозными реформами, так и тиранической и хищнической

ской политикой португальских колонизаторов. Стихийные восстания охватили несколько провинций. Затем к движению примкнула и высшая знать. Посетивший Эфиопию в 30-е годы XVII в. Эммануэл Баррадаш писал об опасениях многих эфиопских «грандов», считавших, что, если эфиопское «королевство станет католическим, португальцы будут притязать на него, овладеют им». Однако крестьянские массы, составлявшие основную силу восстания, были настроены гораздо более радикально, чем присоединившиеся ради сохранения своих феодальных привилегий и находившиеся в оппозиции к португальцам эфиопские феодалы и придворная знать во главе с императором Фасиледесом.

Когда при императоре Фасиледесе (1632—1667 гг.) возник грандиозный план антиевропейской коалиции в составе Эфиопии, Адала, Сеннара (Судан), государств Южной Аравии, Османской и Могольской империй, осуществить его взялись армяне и выходцы из Средней {18} Азии, пользовавшиеся доверием императора. Этот план лишний раз показывает, что политику «закрытия» Эфиопии для европейцев, проводимую правителями страны в середине XVII—XVIII в., нельзя отождествлять с политикой изоляции и культурного герметизма.

С большим интересом читаются страницы, посвященные складыванию централизованного эфиопского государства во второй половине XIX в., начало чему было положено крупным политическим деятелем эфиопской истории — Теодросом II. А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко совершенно правы, когда говорят, что Теодрос II весьма сложная и противоречивая фигура и что Теодрос II имел интереснейшие начинания, многие из которых ему так и не удалось осуществить. В западноевропейской литературе англо-эфиопскую войну 1867—1868 гг. часто называют слишком упрощенно «военной экспедицией Нэпира», думается, что это неправильно. Со стороны Эфиопии это была антиимпериалистическая освободительная война. В битве при Ароге, как и при штурме Мэкдэлы, эфиопские воины героически сражались против значительно превосходящего в военной технике противника. О Теодросе же, который застрелился, не желая сдаваться в плен, эфиопы сложили песню, которая заканчивалась такими словами: «Смотрите, это была смерть мужчины, который не знал слабости, это была смерть льва; он считал постыдным умереть от руки чужой».

Английское правительство и генерал Нэпир, возглавлявший военные операции против центрального эфиопского правительства, утверждали, что цель кампании — лишь освобождение английских подданных из плена. Однако Англия после штурма Мэкдэлы и победы над Теодросом скорее всего постаралась бы закрепиться в какой-нибудь части Эфиопии, если бы представилась хоть малейшая возможность. Следует подчеркнуть, что основная причина ухода англичан из Эфиопии состояла в том, что эфиопский народ, включая даже феодалов, помогавших англичанам победить Теодроса II, не желал видеть иноземных агрессоров на своей земле. Как во время марша английских войск к Мэкдэле, так и при отходе от нее они нередко подвергались набегам эфиопских отрядов. Многие правители провинций соглашались помочь {19} англичанам только при непременном условии, что после победы над Теодросом они сразу же покинут Эфиопию. Английские войска вынуждены были уйти из Эфиопии в 1868 г. из-за открытой враждебности всех слоев населения страны.

Авторы книги много внимания уделяют походам Менелика II с целью присоединения отдельных земель к Эфиопии. Они правильно подчеркивают, что в этом было заинтересовано и зарождавшееся эфиопское купечество. Нам представляется целесообразным добавить соображение, высказанное еще русским путешественником А. К. Булатовичем, участником одной из экспедиций Уольдэ-Гийоргиса к оз. Рудольфа, о том, что одной из причин затяжных правительством Эфиопии военных походов было стремление помешать намерениям империалистических держав стянуть кольцо своих владений вокруг Эфиопии и захватить территорию Южной Эфиопии.

Надо также учитывать и то, что многие из завоеванных в этот период земель некогда входили в состав Эфиопской империи. Разумеется, расширение Эфиопии в конце XIX в. было также результатом происходивших внутри страны социально-экономических сдвигов. Рост товарного хозяйства, участие в нем феодальной верхушки вызвали стремление к расширению сферы эксплуатации, к захвату новых земель.

Оценивая антиимпериалистическую (дипломатическую и военную) борьбу Эфиопии против англо-франко-итальянских притязаний в конце XIX — начале XX в., А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко кратко, в нескольких разных местах книги говорят об отношениях между

Эфиопией и Россией в тот же период. Нам бы хотелось на этом вопросе остановиться несколько подробнее.

Давние традиционные связи существуют между народами Советского Союза и Эфиопии. Научные поиски наших исследователей каждый день вскрывают новые материалы и данные о развитии связей между самыми различными народами обоих государств. Еще в XII—XIII вв. в России интересовались далекой африканской страной, цивилизация которой насчитывала несколько тысячелетий, а с середины XVIII в. эфиопский язык геэз (тызы) {20} и эфиопское письмо начали в России изучаться, что было связано с именем великого русского ученого Михаила Ломоносова. В XIX в. эфиопский язык изучали в университетах сперва в Харьковском, а затем в Петербургском. С середины XIX в. начинаются поездки отдельных русских путешественников и научные экспедиции в Эфиопию. Публикации их отчетов находили самый живой отклик среди общественности России; хорошо известны имена таких путешественников и ученых, как Е. Ковалевский, А. Булатович, Н. Бровцын, Г. Федоров, П. Шусев, Л. Артамонов, М. Лебединский, А. Елисеев, Б. Владыкин, А. Кохановский, В. Болотов, Б. Тураев и многие другие, которые либо побывали в Эфиопии и привезли ценные материалы о жизни, культуре и быте народов Эфиопии, либо скрупулезно изучали эфиопские источники, делая их доступными научной общественности.

В борьбе за сохранение целостности и политической независимости Менелик II сам старался опереться на Россию. Правительство царской России стремилось помешать укреплению колониальных позиций в Северо-Восточной Африке других империалистических держав — Англии, Франции и Италии — и было заинтересовано в существовании независимой Эфиопии. Позиция России объективно способствовала борьбе Эфиопии за сохранение самостоятельности. В разгар итало-эфиопской войны Менелик направил в Россию чрезвычайное посольство, с большим вниманием принятое правительством России.

В трудный для Эфиопии час симпатии передовой русской общественности были на стороне сражавшегося за свою независимость эфиопского народа. В эти самые дни великий русский писатель Л. Н. Толстой написал статью «К итальянцам», в которой он с гневом и болью обличал преступные действия итальянского правительства, развязавшего войну против Эфиопии.

В России в 1896 г., по частной инициативе, был произведен сбор средств для оказания медицинской помощи эфиопским солдатам. В Эфиопию был отправлен отряд Российского общества Красного Креста. Практически деятельность отряда вышла далеко за рамки первоначально {21} поставленных целей. Помощь оказывалась не только эфиопской армии, но и населению. Русский санитарный отряд открыл медицинские курсы для эфиопов и фактически положил начало медицинскому обслуживанию населения Эфиопии. Правительство Эфиопии наградило всех участников отряда орденами, медалями и грамотами.

Смерть Менелика II развязала руки феодальным кликам в их борьбе за власть. Характерно, что, за исключением немногих традиционных правителей отдельных княжеств (ныгусэ Тэкле-Хайманот Годжамский, султан Джиммы Аба-Джыфар, султан Аусы Мухаммед-Абу-Бэкр), крупные феодалы того времени уже не были носителями сепаратистских тенденций, но боролись за перераспределение наместничеств. Молодой император Лидж-Иясу и его родственники по матери, Тэфэри-Мэконнын и Уольдэ-Гийоргис, считались главными сторонниками прогрессивных преобразований. Лидж-Иясу попытался привлечь к себе не только христианских, но и мусульманских феодалов Джиммы, Аусы, Харэра, вождей кочевых племен афар и сомали. Он установил связи с антиимпериалистическими силами в Сомали и Судане, а также с Турцией. Державы Антанты воспользовались этим как предлогом для свержения императора, мешавшего разделу Эфиопии на сферы влияния Англии, Италии и Франции, чтобы заменить его более «удобным» кандидатом. Они организовали заговор, во главе которого поставили Тэфэри-Мэконнына. Британская секретная служба вела в Эфиопии разнузданную пропаганду против императора и его отца ныгусэ Микаэля, используя наскоро сфабрикованные фотоколажи и листовки, отпечатанные в Хартуме, французская — предложила заговорщикам пулеметы. Войска держав Антанты были стянуты к границам Эфиопии, со всех сторон окруженной колониями Англии, Италии, а также Франции, в чьих руках находилась единственная железная дорога, связывающая столицу Эфиопии с внешним миром. Угроза иностранной интервенции заставила примкнуть к заговорщикам, патриотически настроенных военачальников и членов

императорского правительства: Хабтэ-Гийоргиса, Бальчу и др. В результате к власти пришел триумвират в составе императрицы Зоудиту, регента Тэфэри-Мэконнына и главнокомандующего фитаурари Хабтэ-Гийоргиса.

В книге А. Бартницкого и И. Мантель-Нечко значительное место уделяется борьбе империалистических держав, в первую очередь Италии, за овладение Эфиопией в 20—30-х гг. XX в., фашистской агрессии Италии в Эфиопии, итало-эфиопской войне 1935—1936 гг. и освободительному движению эфиопского народа против итальянской оккупации. Не оставляют они без внимания и поддержку Советским Союзом Эфиопии в период итало-эфиопской войны.

Давняя дружба народов Советского Союза и Эфиопии получила наибольшее развитие уже после Великой Октябрьской социалистической революции в России.

Особенно ярко проявилась дружба народов Советского Союза и Эфиопии, когда народы Эфиопии подверглись нападению фашистских орд. Еще в преддверии фашистской агрессии в Эфиопии, когда в течение длительного времени вопрос о пограничном споре между Италией и Эфиопией обсуждался в Лиге наций, Советский Союз решительно выступил в защиту Эфиопии. Позже, когда итальянские войска вторглись на территорию Эфиопии, советская делегация в Женеве вела энергичную борьбу против саботажа санкций, принятых Лигой наций в отношении агрессора. Советское правительство последовательно добивалось эффективного применения санкций к фашистской Италии, разоблачало колониальный, захватнический характер войны итальянского фашизма против Эфиопии, вскрывало суть политики умиротворения, проводившейся западными державами, как политики поощрения фашистской агрессии.

Трудящиеся Советского Союза с горячим сочувствием следили за всенародной борьбой эфиопов против итальянских захватчиков. «Привет народным массам Абиссинии, мужественно защищающим свою независимость» — так звучал опубликованный 21 октября 1935 г. один из лозунгов ЦК ВКП(б) к XVIII годовщине Великой Октябрьской революции. Трудящиеся Советского Союза оказали эфиопскому народу материальную помощь через Красный Крест. {23}

Советский Союз не только был одним из немногих государств, никогда не признавших фашистского завоевания Эфиопии, но он настойчиво продолжал борьбу в защиту Эфиопии и после ее временной оккупации. В июле 1944 г., эфиопская газета «Этиопиэн геральд» писала: «Русские... благородный народ, они искренние друзья. Наша страна помнит, что, несмотря на отсутствие официальных отношений между Эфиопией и СССР, последний не поколебался встать на защиту интересов Эфиопии в Лиге наций».

После освобождения Эфиопии от итальянских захватчиков между Советским Союзом и Эфиопией были установлены в 1943 г. дипломатические отношения, а в 1956 г. правительства обеих стран договорились о преобразовании дипломатических миссий в Аддис-Абебе и Москве в посольства и обменялись послами. С этого момента стали успешно развиваться экономические и культурные связи между нашими странами. Плодотворно трудятся советские врачи в госпитале имени дэджазмача Бальчи в Аддис-Абебе. Советский Союз предоставил Эфиопии долгосрочный кредит в размере 90 млн. рублей для развития промышленности и сельского хозяйства. В 1967 г. вступил в строй нефтеперерабатывающий завод в Асэбе, который эфиопская общественность называет первенцем тяжелой промышленности Эфиопии. Он был построен совместными усилиями советских и эфиопских специалистов. В Бахр-Даре открыт политехнический институт на 1000 учащихся — дар Советского Союза эфиопскому народу. Развитию советско-эфиопских культурных контактов в значительной степени содействует открытая еще в 1945 г. в Аддис-Абебе постоянная выставка Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами. Произведения эфиопских писателей переводятся на русский язык. С другой стороны, произведения русских классиков и советских писателей переводятся на амхарский. В Советский Союз приезжают на учебу юноши и девушки из Эфиопии, а советские студенты-эфиописты посылаются на практику в Аддис-Абебу.

Советские ученые изучают древнюю, новую и новейшую историю Эфиопии, а также филологию, этнографию и экономику. В примечаниях к книге А. Бартницкого {24} и И. Мантель-Нечко мы специально ссылаемся на работы советских эфиопистов, чтобы читатель при желании смог глубже ознакомиться с отдельными периодами и проблемами истории Эфиопии, исследованию которых посвящены труды наших ученых.

Книга А. Бартницкого и И. Мантель-Нечко интересна именно потому, что позволяет увидеть на материале многих веков, каким путем шло развитие страны, как бесконечные меж-

доусобные войны, борьба за верховную власть в стране, всесилие религии (как христианской, так и мусульманской) тормозили прогресс страны; феодально-монархический режим подавлял любые попытки демократизации страны.

А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко доводят изложение до начала 60-х годов, или, точнее сказать, завершают книгу описанием так называемой «Декабрьской революции 1960 г.» — движения протеста против феодально-монархического режима. Авторы совершенно правильно отделяют события 1960 г. от многих других попыток дворцовых переворотов, имевших место в Эфиопии в 40—50-х годах нашего века.

Провал «Декабрьской революции 1960 г.», несмотря на ее острую политическую направленность, объясняется в первую очередь неподготовленностью трудящихся масс к революции в тот период, отсутствием политических партий, запрещенных в Эфиопии, неорганизованностью крестьянства и рабочих, поддержкой феодально-монархического режима христианской церковью. Разумеется, нельзя не сказать о том, что в конце 40-х — начале 50-х годов из различных районов Эфиопии поступали сведения о «бунтах», «мятежах» крестьян. В конце 40-х годов в Эфиопии был организован первый в истории страны профсоюз железнодорожников, вслед за чем произошла также первая забастовка рабочих, жесточайшим образом подавленная.

За период с 1960 по начало 1974 г. в Эфиопии действительно произошли крупные изменения. Эфиопский рабочий класс набирал силу. В 1962 г. профсоюзы добились введения трудового законодательства. Выросло численно эфиопское студенчество, все более активно выступающее с требованиями аграрной реформы, ликвидации {25} феодализма и монархии. Брожение умов охватило армию и часть государственных служащих. Страна медленно, но верно двигалась к революционным событиям 1974 г., о которых мы рассказываем в конце книги в разделе «Вместо послесловия».

* * *

А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко в своей книге транскрибируют имена эфиопских деятелей, этнические и географические названия (пользуясь при этом, естественно, правилами, принятыми в польском языке). Мы в русском переводе также постарались дать имена собственные, этнические и географические названия так, как они звучат по-амхарски, а для ранних исторических периодов — на геэз. Именно этим вызвано новое написание в данной книге некоторых привычных имен и названий, прежде транскрибировавшихся с английского или итальянского языков. С этой целью нами были просмотрены различные источники на амхарском языке; использовали мы также краткий список личных имен в «Амхарско-русском словаре», составленном кандидатом филологических наук Э. Б. Ганкиным (под редакцией кандидата филологических наук гражданина Эфиопии Каса-Гэбрэ-Хыйбот. М., 1969), а также «Словарь географических названий Эфиопии» (М., 1974, составитель Е. В. Горовая), в котором тоже содержится краткий список личных имен. Разумеется, ввиду того что это одна из первых попыток транслитерации огромного числа исторических и географических названий, а также имен различных, в том числе малоизвестных исторических деятелей, вполне возможны некоторые неточности и определенные погрешности.

Ю. М. Кобицанов

М. В. Райт {26}

ВВЕДЕНИЕ

В разделах, касающихся истории Эфиопии, ничего не говорится о рельефе, об этническом и языковом делении народов, населяющих Эфиопию, а также о ряде проблем, важных для понимания развития этой страны или просто интересных в познавательном отношении. Поэтому нам представлялось необходимым и интересным привести здесь наиболее общие сведения об Эфиопии.

Официальное название страны — Эфиопия. Другое наименование — «Абиссиния», также встречается на географических картах, в европейских и арабских источниках. В Европе

еще в XIX в. по этому вопросу не было единого мнения. Эфиопией называли тогда территории Северо-Восточной Африки — Судан, Нубию и собственно Эфиопию. Само название «Эфиопия» происходит от греческого слова «Айтьопия» и означает «страна людей с обожженными (солнцем) лицами». Название «Эфиопия» есть и в библии, именно отсюда оно взято для названия страны в самой Эфиопии. Название же «Абиссиния» происходит от наименования одного из южноарабских племен хабеш, прибывшего на Африканский континент с Аравийского полуострова, видимо, еще до нашей эры. От наименования «хабеш» пошло название страны, преобразованное впоследствии европейскими путешественниками в «Абиссинию»¹. {27}

Со временем от названия «Абиссиния» отказались. Видимо, одной из причин отказа является арабское слово «хабеш», что значит «метис», «бродяга», оно употреблялось мусульманами в оскорбительном смысле в период распри между мусульманскими и христианскими жителями страны. Во избежание недоразумений, связанных с официальным названием страны, решили, что «Эфиопия» будет обозначать страну, подчиненную власти ныгусэ нэгэст, или императора,

С языковой точки зрения следует оговорить происхождение слова «Эритрея» — нынешнее название одной из эфиопских провинций. Это название дали итальянцы 1 января 1890 г. приморским территориям Эфиопии. Прежде эти территории не имели общего названия и были разделены на ряд округов (как, например, Сэрае, Хамасен, Кэрэн и т. п.), являющихся административными и даже политическими центрами (например, под управлением бахыр нэгаша). Само название «Эритрея», бытующее сегодня повсеместно, не имеет ничего общего с исторической традицией этих территорий. Итальянские колонизаторы взяли его от названия Красного моря, известного в древности как Эритрейское море (т. е. по-гречески Красное). История Эритреи после 1890 г. такова: в 1936 г. итальянцы включили ее (вместе с завоеванной Эфиопией) в состав Итальянской Восточной Африки; в 1941—1952 гг. Эритрея находилась под английским военным контролем, а позднее была включена в Эфиопию как автономная территория на основе федерации; с 1962 г. она вошла в состав эфиопского государства как одна из провинций. Население Эритреи — частично мусульманское, частично христианское. Наиболее распространенные языки — тигриня и тигре.

Почти всю территорию Эфиопии занимает возвышенность (средняя высота 2000—3000 м над уровнем моря)². {28} Горы, разделенные глубокими ущельями, долинами и руслами рек с отвесными склонами, создающими в период дождей непроходимую преграду, — одна из главных причин коммуникационных трудностей Эфиопии. В течение веков рельеф местности являлся естественным фактором, способствовавшим политическим сепаратистским тенденциям. Это относится прежде всего к главной с исторической точки зрения территории страны, т. е. Центральному массиву, известному также под названием Эфиопского нагорья. Труднодоступность целых районов, главным образом на севере и в центре страны, облегчала отдельным этническим группам сохранять фактическую самостоятельность. Периоды дождей, полностью нарушавшие связи между провинциями, также способствовали проявлениям местного сепаратизма. Недоступность территории позволила, в частности, провинции Ласта сохранять в течение ряда веков фактическую независимость. Императоры Эфиопии потратили не одно столетие, чтобы подчинить себе фалаша, проживавших в высокогорных округах Сымен, Уогэра, Дэмбия. Специфика рельефа в Эфиопии оказала влияние как на внутреннюю историю страны, так и на ее внешнеполитическое положение. Она облегчала Эфиопии защиту своей независимости в периоды, когда внешние враги объединялись против этой высокогорной страны. В многовековой борьбе Эфиопия всегда одерживала в конечном счете победу в далеко не всегда равном для себя поединке. Непроходимые горные цепи и ущелья, особенно коварные для тех, кто не знал этой страны, решили исход борьбы в пользу Эфиопии в период, когда другие страны Африки были захвачены европейскими державами. Даже во время итальянской оккупации

¹ Существуют и другие предположения о происхождении названия «Абиссиния». Племени «хабеш» в Аравии источники не засвидетельствовали. Зато еще древнеегипетские надписи упоминают «хабаса Страны бога» («Страной бога») древние египтяне называли морское побережье нынешней Эфиопии и Сомали). В надписях из Южной Аравии II—VI вв. и в арабских источниках VII—VIII вв. «хабаша», или «хабашат», называли аксумитов и отдельные группы населения Аравии, связанные этнически и политически с Аксумом. — Прим. ред.

² См.: Карагаев Н. М. Географический очерк. — В сб. «Абиссиния (Эфиопия)». Под ред. Ольдерогге. М., 1936. — Прим. ред.

1936—1941 гг. в некоторые районы страны никогда так и не вступали фашистские войска. Зато сегодня гористый рельеф является одним из препятствий экономического развития страны. Строительство в трудных горных и климатических условиях дорог чрезвычайно отягощает бюджет государства, но без этих дорог невозможно равномерное развитие всех областей Эфиопии, потому что сейчас с некоторыми районами связь осуществляется главным образом при помощи авиации. {29}

Все Эфиопское нагорье разделено на две части глубокой впадиной, так называемым Эфиопским рвом, который имеет северо-восточное направление. К северо-западу от него и до границ Судана располагается Центральный массив. Самая высокая вершина Центрального массива — Рас-Дашэн — достигает высоты 4543 м над уровнем моря. На высоте свыше 2000 м находится столица государства Аддис-Абеба. На восток от Эфиопского рва расположен Восточный массив, спускающийся к Индийскому океану. Этот массив ниже Центрального (наиболее высокая горная цепь его Чэрчэрм — около 4000 м над уровнем моря). Христианское население Эфиопии живет главным образом в области Центрального массива, а территории Восточного массива и Эфиопского рва на протяжении веков составляли пограничную зону, из-за которой велись многочисленные войны между Эфиопской империей и соседними мусульманскими султанатами.

Речная сеть развита наиболее значительно в Центральном массиве, ее бассейном служит Средиземное море. Все реки несудоходны. Важнейшие из них — Мэрэб, Тэкэзе, Голубой Нил (называемый по-эфиопски Аббай), берущий начало у самого большого озера Эфиопии — Тана. Вдоль Эфиопского рва течет река Аваш, исчезающая затем в песках пустыни Данакиль (эфиопское название Дэнкэль). В южной части рва расположен ряд живописных озер, сегодня являющихся одной из туристических достопримечательностей Эфиопии. Реки Восточного массива, бедного водой, стекают в Индийский океан (главные реки — это Уаби-Шэблле и Джуба).

Климат Эфиопии разнообразен и зависит от высоты местности. Можно выделить три климатических пояса: жаркий, умеренный и холодный, или по-эфиопски колла, уойнэ-дэга и дэга. Жаркий климат характерен для районов, включающих Данакильскую пустыню, часть Восточного массива, долину р. Аваш и глубокие долины в Центральном массиве (колла — это значит «долины»). Уойнэ-дэга («вершина винной лозы») — так называются территории плоскогорья, наиболее заселенные и с богатой растительностью. Эта зона располагается на высоте до 2500 м над уровнем моря и имеет умеренный климат. И наконец, название «дэга» («вершина») относится {30} к районам с холодным климатом, расположенным на высоте свыше 2500 м над уровнем моря.

В Эфиопии два сезона дождей. С середины июня до середины сентября — пора больших дождей, ливней, парализующая еще и сегодня в большой степени связь и транспорт. Сезон так называемых малых дождей приходится на апрель — май.

Народы Эфиопии говорят на многих языках. В большинстве своем эти языки относятся к семито-хамитской языковой семье. Приблизительно их можно разделить на две группы: принадлежащие к южносемитской и к кушитской языковым группам.

Официальным языком в государстве является амхарский язык, относящийся к семитской группе. Амхарский язык в качестве разговорного языка господствует как более или менее официальный с XIII в., однако в литературу он вошел только во второй половине XIX в. До этого языком письменности был язык геэз (гыыз), также из семитской группы. Он был разговорным языком в Аксумском государстве и вышел из употребления вместе с падением этого государства (т. е. около X в. н. э.). Не употребляемый с X в. н. э. как разговорный язык, он остался в письменности как литературный язык вплоть до XIX в., а сейчас употребляется при богослужении. Первые письменные памятники на языке геэз, дошедшие до нас, датируются IV в. н. э.³ (это надписи на стелах в Аксуме исторического содержания). Литература на языке геэз имеет главным образом религиозный и исторический характер. Как геэз, так и амхарский язык записываются силлабическим письмом, знаки которого характерны только для Эфиопии. Эфи-

³ Небольшое число кратких надписей на языке геэз, возможно, относится уже к III в. н. э. См.: Кобищанов Ю. М. Источники по истории Аксума. — В сб. «Некоторые вопросы истории стран Африки». М., 1968, стр. 144 и сл. — Прим. ред.

опская письменность развилась на основе южноаравийского сабейского письма, вначале употреблявшегося в Аксуме. Со временем сабейское письмо преобразовалось в эфиопское, которое с IV в. и до наших дней сохранилось почти в неизменившейся форме. Геэз и амхарский язык можно считать основными для культуры Эфиопии; причем первый из них был в течение {31} многих столетий литературным языком. Если не считать немногочисленных средневековых записей на амхарском языке, впервые на нем была написана лишь хроника императора Теодороса II (Федора II), и именно с этого момента амхарский язык начинает вытеснять в литературе геэз. В настоящее время амхарский язык является языком художественной литературы. Амхарская литература по сравнению с литературой геэз более светская. Кроме амхарского языка, к семитским языкам, употребляемым сегодня в Эфиопии, относятся тигре, тигриния (оба распространены главным образом на севере страны), гураге, хараги и аргобба. К вымершим семитским языкам, кроме геэз, сохранившегося еще в литературе, относится язык гафат. К эфиопским языкам кушитской группы относятся галла, агау, беджа, сахо-афар, сомали, сидамо⁴.

Этническая классификация народов, населяющих Эфиопию, проводится по языку⁵: это амхара, гураге, аргобба, хараги, тиграй, тигре и др., говорящие на семитских языках; галла, агау, беджа, афар-сахо, сомали, сидамо и др.— на кушитских языках; северо-западные, западные и юго-западные окраины Эфиопии населяют небольшие народы, говорящие на нилотских и близких к ним языках Восточного Судана: нуэр, ануак, барья (бареа), кунама, туркана, берта и др.⁶.

В связи с отсутствием статистических данных численность населения Эфиопии дается приблизительно. Она составляет около 26 млн. человек, причем плотность населения в отдельных районах страны неравномерна.

Эфиопия имеет собственный эфиопский календарь, отличающийся от григорианского календаря на 7—8 лет⁷. {32} Год в Эфиопии начинается 11 сентября и состоит из 12 месяцев по 30 дней и 1 месяца по 5—6 дней. Сутки в Эфиопии делятся на две части по 12 часов, которые начинаются в 6 часов утра и в 6 часов вечера.

В Эфиопии семьи обычно не имеют постоянных фамилий. При рождении ребенку дается имя крестного (у христиан), после которого следует имя отца. Например, сын Лемма-Хайлу называется Мэнгыисту-Лемма, а его сын в свою очередь вторым именем будет иметь имя Мэнгыисту (для примера мы взяли фамилию известного современного писателя Мэнгыисту-Леммы). {33}

Глава I

РАСЦВЕТ И УПАДОК АКСУМА

КОЛОНИСТЫ ИЗ ЮЖНОЙ АРАВИИ

В Южной Аравии, приблизительно там, где на побережье Красного моря расположены современные Йемен и Аден, в той части, которая называлась некогда Аравия Феликс (Счастливая Аравия), в первом тысячелетии до н. э. пышно расцвела цивилизация южноаравийских городов-государств. Такие государства, как Маин, Катабана, Саба и Хадрамаут, в это время находились на вершине экономического, политического и культурного расцвета и соперничали между собой в борьбе за гегемонию. Причины их соперничества коренились в политических и экономических условиях. Благосостояние и богатство государств Аравии Феликс обеспечивались высоким уровнем развития земледельческой культуры, но в еще большей степени зависе-

⁴ Всего в Эфиопии насчитывается около 20 кушитских языков. — Прим. ред.

⁵ Существуют и другие критерии этнической классификации народов. — Прим. ред

⁶ См.: Ольдерогге Д. А. Население и социальный строй.— В сб. «Абиссиния (Эфиопия)», стр. 85—196; Райт М. В. Народы Эфиопии. М., 1965; Ягъя В. С. Об этнолингвистической ситуации в современной Эфиопии. — «Советская этнография», № 3, 1970.— Прим. ред.

⁷ Своебразие эфиопского календаря иногда порождает расхождение в датах, приводимых А. Бартницким, И. Мантель-Нечко, с одной стороны, и некоторыми авторами — с другой. Это относится главным образом к историческим событиям в Эфиопии XVII—XVIII вв.— Прим. ред.